

12+ Илона Виленская

Попаданец

Вброквел истории Марка



Илона Виленская

**Попаданец. Вбоквел
истории Марка**

«Издательские решения»

Виленская И.

Попаданец. Вбоквел истории Марка / И. Виленская —
«Издательские решения»,

Человек вышел прогуляться и попал в другой мир, в другой век. Может такое быть? Не знаю, возможно. Лично я таких не встречала. Зато знаю многих людей, которые пережив однажды личную драму, уходят далеко в себя и бродят там годами, пугаясь теней, которые сами же создали.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Попаданец Вбоквел истории Марка

Илона Виленская

© Илона Виленская, 2026

ISBN 978-5-0071-0005-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Глава 1



Марк открыл глаза и успел выключить будильник за секунду до звонка. Маленькая победа над механизмом.

Квартира встретила его привычной тишиной. Белые стены, белый шкаф-купе. На белых плечиках — чёрные рубашки и пиджаки, выстроенные по сезону и длине. Чёрные джинсы — идеальными, математически выверенными стопками на полке. Носки — рулонами, каждая пара в своей ячейке.

Прошёл на кухню. Поставил на плиту чайник, наполненный вечером ровно на одну треть. Взял одну чашку из сервиза. Поморщился и поправил нарушенный строй. Теперь хорошо: чёрные чашки на белой столешнице стоят идеально ровно, параллельно краю.

— И почему я живу один? — мрачно спросил у себя. И тут же ответил: — Потому что люди — это хаос.

* * *

Ровно в девять он открыл дверь в офис.

— Привет, Марик, — буркнула Ирэна, не отрываясь от флипчарта.

Элен махнула рукой, деловито уткнувшись в эскизы. Соня не обратила внимания: раскачивалась в наушниках под неслышную музыку.

Лиза сидела на подоконнике.

Марк заметил её сразу. Красное платье — немыслимое, как она сама. Белокурые волосы рассыпались по плечам. Болтает ногой в туфле на шпильке — каблук царапает паркет с отвратительным звуком, а от пряжки разлетаются возмутительно безвкусные искры.

Он изобразил «покерфейс» и прошёл к своему столу.

— Марик, схема готова?

— Готова.

— Хвались!

Разложил чертежи. Проверил — бумаги лежат идеально ровно, углы под девяносто градусов, края не свисают.

Лиза мягко, как кошка, спрыгнула с подоконника.

— А что это ты сегодня такой каменный?

— Работаю.

— Работать можно и с нормальным человеческим лицом.

Марк хотел ответить что-то колкое — про её вечный беспорядок, про то, что она не понимает принципов дисциплины.

Но Лиза опередила:

— Ты вчера сбежал. Просто встал и ушёл, даже не попрощался.

Вчера он проводил её домой, потом они целовались у двери, а потом он сказал: «Я люблю тебя». Сам не понял, как это вышло. Слова вырвались как-то рефлекторно, бесконтрольно...

— У меня были дела.

— Дела-а-а, — голубые глаза распахнулись, ресницы гневно затрепетали. — И они образовались прям в моменте? Срочно приспичило пересчитать носки? Или разложить трусы по линейке?

— Это называется порядок.

— Это называется трусость!

Марк вскочил чёрной узкой молнией, во весь двухметровый рост. Чтобы не вспылить, впился рукой в угол стола так, что побелели костяшки.

— Ты ничего не знаешь.

— А ты не даёшь узнать! Ты прячешься за своей стеной и думаешь, что это безопасно. А стена не защищает, она изолирует.

— Моя стена — моя проблема.

— Твоя проблема в том, что ты боишься её сломать.

— Знаешь что, — Марк сгрёб документы. — Я пойду работать в другое место.

— Скатертью дорога, — выкрикнула Лиза. — Давай, беги! Как вчера. Как всегда!

Он вышел, шархнув дверью — не планировал, но рука не рассчитала.

* * *

В коридоре остановился и прислонился к стене, чтобы отдышаться. Сердце в груди кололось, рискуя взорваться.

«Страх изолирует. Ты боишься».

Она права. Это бесит больше всего.

Он не мог вернуться в офис, не мог работать, не мог ехать домой — там тишина, которую он сегодня не вывезет.

Вышел на улицу и пошагал к Фонтанке. Дождь, сыро — хорошо. Холодно — тоже хорошо.

Он дошёл до Аничкова моста. Сам не знал зачем, просто ноги понесли. Остановился только у первой из Клодтовских скульптур.

— Интересно, а кто я в этих отношениях: конь или человек? Кто кого укрощает?

Марк оперся о чугунное ограждение и засмотрелся на воду.

Он думал о Лизе. О стене, которая не защищает, а изолирует. О том, что она права, а он не может ничего с этим сделать.

Потому что, если сломать стену, внутрь хлынет хаос. А он знает, что такое хаос. Видел. Пережил. Построил систему безопасности, чтобы не вернуться туда.

В друг что-то поменялось.

Волны перестали перекачиваться, вода замерла и стала гладкой, как стекло, а в ней — не его отражение...

Чужое лицо. Скуластое, с узкими глазами, золотисто-тёмными, как старая бронза. Волосы длинные, чёрные, блестящие, собраны в пучок на затылке. Одежда непонятная — что-то чёрное с высоким воротом, смутно знакомое.

Узкие глаза полыхали золотым огнем и смотрели на Марка в упор, не моргая.

Его окатила волна лютого страха, сердце запрыгало в горле и пальцы судорожно сжали чугун.

— Эй, — сказал Марк чужим, хриплым голосом. — Эй, ты кто?

Вода дрогнула, пошли круги, лицо расплылось и исчезло.

Марк шарахнулся. Прохожий покосился, отгородился зонтом и ускорил шаг. Наверное, подумал, что пьяный или псих.

— Показалось, — сказал вслух, но сам себе не поверил.

Развернулся и рванул домой.

В квартире запер дверь на все замки. Проверил окна — закрыты. Сел в кресло, не раздеваясь.

Зажмурился и тут же увидел золотой огонь.

Открыл глаза — ничего, квартира как квартира, трещина на белом потолке.

Он не верил в чудеса — он верил в схемы, чертежи и системы безопасности.

Но сегодня матрица дала сбой.

Глава 2



Ночь не принесла покоя. Крайне непривычное и тревожное ощущение. Много лет назад Марк приучил себя спать полезно: лежа на спине, ноги вытянуты, одеяло до середины груди, руки по швам поверх одеяла. Он засыпал сразу же, как принимал эту позу, и просыпался за мгновение до звонка будильника.

Но не сегодня! Он смотрел в белый потолок и считал трещины. Точно знал, что их три — специально оставил во время ремонта, чтобы раздражали. Самая длинная от люстры к углу, короткая над шкафом, и тонкая, едва заметная, над кроватью.

Стоило прикрыть веки, как перед ним всплывали узкие щели, пылающие злым золотым огнем.

— Это стресс! Я не схожу с ума. Всего лишь переутомление и конфликт с Лизой, вот организм и сбоит.

Золотые глаза иронично сощурились и, кажется, не поверили ни одному слову.

* * *

Утром, первым делом, набрал Ирэну: — Я заболел. Пару дней не выйду.

Ирэна сухо ответила: — Понимаю. Но работу сдай. Схемы мне нужны, я не могу остановить работу агентства из-за вашей... лавстори.

— Они готовы. Я отправлю.

— Хорошо. Выздоровливай.

Она отключилась. Марк немного постоял с телефоном в руке, потом закинул чертежи на почту и нажал «отправить». Дело сделано.

Он оделся: чёрные джинсы, чёрный бадлон, чёрная куртка. Всё ровно, без сюрпризов. Сунул руку в карман и наткнулся на маленький гладкий камень с розоватыми гранями. Немного покрутил в руке и вспомнил, что камушек всучила ему Лиза неделю назад. Буркнула: «Это тебе. Носи с собой». Он хотел спросить зачем, но не спросил.

Марку показалось, что внутри камня будто что-то пульсирует. Сжал теплый кругляш в кулаке и как будто стало легче, отпустило. Сам не понял почему.

* * *

Улица встретила его прохладным ветром с Невы. Марк зашагал мимо старых домов, витрин с бронзовыми фигурками и фарфоровыми чашками, мимо людей, которые куда-то спешили и толкались.

Он ни о чём не думал. Сжимал камушек в правом кармане и просто шёл.

Ноги сами свернули в арку, потом в переулок, в другой, третий. Дома стали ниже, окна глуше, исчезли рекламные вывески. Марк не узнавал это место.

На деревянной двери висела старая табличка с облупленной краской — настолько старая, что надпись уже не разобрать. Он остановился и дверь гостеприимно открылась сама.

Внутри было темно и пахло старым деревом, сухими травами, чем-то ещё, вроде давно замершего времени.

Витрины уходили вверх, вплоть до деревянных потолочных балок.

За стеклом лежали странные вещи: часы с обломанными стрелками, очки без стёкол в тонкой оправе, плюшевый заяц с оторванным ухом, маленькие пузырьки, наполненные разноцветными жидкостями, письма в конвертах без марок.

— Шалом!

Марк обернулся. Из сумрака вышел невысокий, сутулый старик: седая борода, морщины, пейсы, ермолка на голове, а в глазах сочетание печали и насмешливых искорок.

— Мазел тов.

— Что?

— Я говорю, вам повезло.

— Почему это?

— Потому, что я здесь всегда, но видит меня далеко не каждый. Вы видите.

— Что это за место?

— Магазин редких и уникальных вещей.

— И в чем их редкость?

Старик усмехнулся: — Вот, к примеру, что это, по-вашему?

— Часы, только стрелки сломаны. Это кому-то нужно?

— Это не часы, это закончившееся терпение. Мне продал их один человек, когда понял, что терпеть больше не в силах. Если прислушаться, можно поймать момент, когда пора остановиться.

Марк отшатнулся.

— А заяц с оторванным ухом?

— Это очень грустная история. Это бескорыстная детская привязанность, — старик взял игрушку с полки и бережно стряхнул с неё пыль. — Её оторвали от сердца и осталась только игрушка: без уха и без тепла.

— А очки?

— Очки без стёкол, — старик водрузил их на нос. — Это способ видеть чужую душу. Но мало кто хочет на это смотреть, слишком больно.

— Боюсь спросить про остальное.

— В принципе, правильно боитесь, но я все же отвечу — пузырьки, это непролитые слёзы, а письма... Там много чего: вера, надежда, любовь. Проблема в том, что ни одно из них не дошло до адресата.

— Грустный какой-то у вас товар. Неужели находятся покупатели?

— Это как посмотреть, — старик побряхтывая зашел за прилавок и устроился там поудобнее. — Ты пришёл не случайно, парень. Здесь не бывает случайных людей.

— Я просто гуляю.

— Ноги сами привели? Так бывает, когда душа знает, куда надо, а разум ещё нет.

Марк открыл было рот, чтобы возразить, но старик перебил: — А ну-ка, покажи, что у тебя в кармане.

— С чего бы это?

— Да я и так знаю. У тебя там камень. Маленький такой, круглый, с розовыми прожилками.

Изумленный Марк вытащил руку из кармана и разжал ладонь.

— Камень называется «Утешитель». Его купила неделю назад милая девушка. Расплатилась со мной своей уверенностью и способностью не чувствовать страха. Она искала подарок для дорогого человека, который не знает, как победить свой страх перед жизнью. Ты ведь и есть тот человек. Я прав?

Марк молча качнул головой.

— Не хочешь говорить — не надо. Я и так всё вижу: ты прошёл через ад, выбрался, построил крепость из порядка. Тебе там безопасно и холодно.

— Я не умею иначе...

— Я знаю, — старик печально вздохнул. — Ты не умеешь быть счастливым, поэтому создал новый ад: спокойный, стерильный, без неожиданностей. Ты благополучен, у тебя есть деньги, работа, квартира. Иллюзия дружбы. Иллюзия жизни. Ты вкладываешь эмоции в работу, но природа берёт своё — тебе нужна любовь. А ты её боишься.

— Что мне делать?

Старик указал на стеллажи: — Пройдись. Не ищи, просто иди, смотри, дыши. Твоя вещь сама тебя найдёт. Она потянется к тебе или ты к ней. И тогда поймёшь — это оно.

Пыльные полки в тусклом свете и запахе времени. Бронзовые слоники, фарфоровые куклы, старые книги в кожаном переплёте.

Он дошел до последнего стеллажа и на самой нижней полке, в углу, заметил маленькую шкатулку из чёрного дерева. Рука потянулась сама, пальцы коснулись древесины, и шкатулка прыгнула в ладонь.

— Она выбрала тебя, — голос старика прозвучал откуда-то издалека.

— Что это?

— Это химицу-бако, шкатулка-головоломка. В старину мастера вкладывали в них драгоценный камень, но не простой... Для японца драгоценный камень и душа — суть одно и то же. Так что тебя выбрал не просто старинный артефакт, тебя выбрала душа.

— Я не хочу чужую душу.

— Она не чужая. Как бы тебе объяснить... Она станет тем, чем ты её наполнишь. Еще в шкатулке есть свиток и зеркальце. Свиток заполнишь сам. А зеркальце... зеркальце покажет, кто ты, когда перестанешь прятаться. Но я должен тебя предупредить, быть владельцем этой шкатулки больно.

— Я привык к боли.

— Не к этой. Ты замёрз, парень. Ты построил вокруг себя ледяную крепость и ничего не чувствуешь.

— И что?

— А то, что замёрзшие пальцы, когда их отогревают, болят. Сначала ноют, потом горят, потом кажется, что их режут. Это боль жизни, когда она возвращается. И если ты не пройдёшь через неё — пальцы омертвеют навсегда. Ты почувствуешь всё, что подавлял годами: страх, стыд, любовь, которую боялся признать, потерю, которую не оплакал.

— Если я откажусь?

— Вернёшься в свою крепость и будешь жить дальше. Успешный, благополучный, несчастный. Никто не узнает, только ты.

Марк долго стоял в тишине полумрака, затем решился и сунул шкатулку в карман.

— Сколько я должен?

Старик покачал головой: — Пока ничего. Ты расплатишься, но потом, когда поймешь, что к чему.

Глава 3



Порыв ветра обжёг ноздри. Во рту стало кисло и едко — мерзкая смесь пережаренной робусты из уличного автомата и свежего асфальта по ту сторону дороги. Через мгновение пахнуло тинной и рыбой, а, заодно, влажной свежестью — это Невка качнула волной. Где-то неподалёку спряталась шашлычная, оттуда тянуло ароматом жаренного мяса, лука и специй. Мимо процокала каблучками совсем юная девушка, оставив за собой шлейф духов, приторных, как мармелад.

— Это запах города, — подумал Марк. — Надо же, я никогда раньше не замечал, как пахнет мой родной город.

В голову лезли мысли о Лизе. Она приходила в этот магазин раньше него и отдала свою уверенность, свою непоколебимую, железную веру в себя, а взамен приняла чужую боль.

И она это сделала ...ради него!

— Ради меня, — потрясённо повторил он. — Она стала чувствовать чужую боль ради меня. А я? Что я сделал? Испугался, убежал, спрятался за порядком? Молодец, ничего не скажешь.

Челюсти судорожно сжались.

— И ведь ничего не сказала, ни слова, только сунула этот дурацкий камень. Я должен что-то сделать! Хоть один шаг ей навстречу. А я смогу? Господи, как страшно!

На перекрёстке его обогнал парень в куртке с надписью «Coffee is life». Марк криво усмехнулся сквозь зубы.

— Кофе, это не жизнь, это всего лишь кофе. Хотя...

Прошагав еще метров пятьсот, он, наконец, учуял правильный букет — горьковатый, терпкий, с нотками шоколада и корицы.

— Да что со мной такое? Никогда не воспринимал действительность через запахи. А сегодня прямо накрыло.

За стойкой лучезарно улыбалась бариста.

— Добрый день! Что будете заказывать?

— Чёрный американо.

— Может, попробуете наш сезонный? Сладкие тыквенные нотки со свежей цедрой и капелькой корицы. Идеальное сочетание.

— Я сказал чёрный!

— Понимаю, — ничуть не смутилась она. — Просто у нас акция: купите два — третий в подарок.

— Мне нужен всего один.

— Тогда обойдетесь без подарка, — девушка показала язык и заливисто рассмеялась.

* * *

Дома он схватился за шкатулку едва скинув куртку.

Эбеновое дерево — на ощупь, гладкое, как отполированная водой галька, а на самом деле затейливая мозаика из тонких пластин. В голове всплыло, что искусство создание таких шкатулок называется йосеги и оно старше тысячи лет.

Марк забил в поиск: «как открыть химицу-бако» и на него обрушились статьи про головоломки, форумы коллекционеров, видео с японскими мастерами. Просидев за изучение вопроса пару часов, он уяснил, что инструкция может насчитывать от четырёх до ста двадцати пяти шагов.

— Инженер! Не может открыть деревянную коробку.

Возился долго: сдвигал, нажимал, поворачивал. Шкатулка упрямо не поддавалась, только нагрелась от его рук.

В носу засвербело, и Марк отчаянно расчихался, нехотая вспомнив, что пыль эбеновой древесины может вызывать раздражение кожи, лёгких и слизистых оболочек.

— Да будь ты проклята!

Краем глаза зацепил циферблат настенных часов — половина второго ночи.

— Однако! Ложись-ка ты спать. Утро вечера мудренее.

* * *

Теплый, сладковатый древесный дым и запах свежей, едва из сети, рыбы, пропитанной морской солью. Ещё одна нота, медово-миндальный хана-но-ка — это расцвела сакура в саду даймё.

На берегу совсем молодой парень. Волосы чёрные, длинные, блестящие, уложены в тугий пучок на макушке так, что открыт лоб, а бока выбриты — традиционная причёска самурая.

Юноша одет в тёмно-синее хлопковое кимоно, подпоясанное узким шнуром. Короткие штаны-хакама грубой выделки и сильно запыленные. Через плечо переброшена домотканая сумка-моноири, а на ногах разбитые соломенные сандалии-варадзи.

Навстречу путнику, из воды идёт прекрасная женщина в белоснежном шелково кимоно, расшитым сэйгайха — волнами тихого моря. Волосы, как водопад из чёрного шёлка, украшены драгоценными гребнями-кандзаси. Красавица улыбается и протягивает белоснежную, как рисовая мука, руку.

Урасима — так зовут юношу, делает шаг к ней, берет за руку, и они уходят под воду, в сияющее морское царство.

Сырость и плесень, удушливое амбре затхлой воды. Незнакомая речь — вроде говорят по-японски, но гортанно, быстро, резко.

Урасима мечется во тому же берегу. Кимоно выщелово, истрепалось, местами протерлось до нитей, хакама висят мешком, варадзи давно развалились.

Вокруг незнакомый город: дома из бетона и стекла, машины гудят, люди идут, не глядя. Никто не носит кимоно — все в странных куртках, в джинсах, в чём-то чёрном и сером.

Урасима хватает прохожих за руки, заглядывает в лица.

— Ты знаешь меня? — рот открывается, но слов не слышно.

Старик в соломенной шляпе, продающий рыбу, отшатнулся, девушка с розовыми волосами выдернула руку и выругалась, полицейский в синей форме сделал шаг вперёд и выразительно положил ладонь на дубинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.